

Галина Золотанна

г. Ленинск-Кузнецкий

На каком-то этапе вдруг понимаешь,
 Что нет для тебя никого, кроме Бога.
 А все, кого ты к себе допускаешь,
 Пусть не проходят дальше порога.
 Не надо их зачитывать поимённо,
 Просто пусть идут общим списком,
 Оставайся не понятой – не поймённой! –
 В пространстве гулком и чистом.
 А потом всё наладится, и одиночество
 На струнах пространства поведёт своё соло,
 И тогда станет слышно, как мистер
 Рочестер
 Окликает Джейн Эйр через холмы и доли.

Если не кушать после шести,
 То отпадает надобность выпить.
 Но есть опасность с ума сойти,
 Всю ночь стоная болотной выпью.
 Зато под утро, забывшись сном,
 С пустым желудком и трезвым мозгом,
 Ты станешь маленьким, как давно,
 Когда ещё завидовал взрослым...

Любо-дорого жить без врага,
 Без дружка сердечного –
 Болтуна заплечного.

Без подружек – вёдер без дужек,
 Без богатства от слова «гадство»,
 Без забот, чтоб не лился пот,
 Без стихов окаянных, дрянных...

Выйти в поле,
 Обнять свою долю
 И пуститься в дорогу,
 Но пока не к Богу,
 А к душистому стогу!

Новогодние отголоски

Преодолев дурачество стилия
 И дурноту вкуса,
 Пишем, что в новый вступили
 И ждём Рождества Иисуса.
 А недруги, как обычно,
 Засели в танке,
 Плюют из люка косточки вишни –
 Хокку свои и танки.
 Пишут про белизну смысла,
 Разницу между раем и адом,
 А мы их в баню, помыться,
 И в самолёт, до Ленинграда!

Хорошо, когда всё можно,
 Всё дозволено.
 Сколько хочешь ешь мороженое,
 Пой застольные,
 В бок толкай соседку лживую –
 Смолкни, бес!
 Не бояться в хмарь дождливую
 Топать в лес.
 Не канючить в небо с робостью –
 Чтобы спас! -
 И висеть себе над пропастью,
 В куст вцепясь...

Смени аккаунт и живи,
Подробностям отдай поводья,
И пусть внутри, в твоей крови
Само собой всё происходит.
Пусть жизнь течёт, как Бог велит,
А ты детальками балуйся,
Беретик возложи, как щит,
На голову и в бой не суйся.
Ни к старикам, ни к молодым
Саму себя не причисляя,
Легко растаешь? словно дым,
Как дым, легко растаешь, зая!

У знаменитости

Он Анну Ахматову гадит,
И белые руки скрестив,
Он гладит цветок на халате,
И взгляд у него похотлив.
Сейчас я отвечу сурово
И прочь из хором уплыву,
Но он достает Гумилева,
И томик прижав к рукаву,
Другою рукою листает,
Листает, листает, листа...
А я на диване, такая,
Сижу и ласкаю кота!

Что же остаётся на исходе лет, дед?
Вместо полового акта – катаракта?
Или злоба на ворчливую старуху,
Иль обида за советскую житуху?
Что осталось у тебя, старик?
Не смотри угрюмо – говори!
Может, только лохматый снег
Да позёмки колючей бег?
Или в банках остались кредиты?
Крякнул старик: «Да иди ты!..
Меня ждёт белый конь в чистом поле,
Ну, или кобыла – тогда, тем более,
Отстань-отвяжись, худая жись,
Поперёк дороги мне не ложись!»

Я не врачаха – я ворчиха,
Я вас от кашля и от чиха,
Я вас горячим молоком,
Я мёдом вас и чесноком –
Я очень знатная лечиха.

А вы учитель и нянчитель,
И друг, и поп, и попечитель.
Вы понимаете, в чём дело:
Вы душу лечите, я – тело.
Вы – знаменатель, я – числитель.

Чем больше вы, тем меньше дробь,
Не нужен ей шикарный гроб,
Зачем он нужен хулиганке?..
Так что пока на спину банки
И полотенчику на лоб!

Выйду прогуляться на пустырь,
До чего же бесконечна ширь,
Ни одной живой души окрест...
Нет!
Вот кошка скачет через рельс,
Воробышко в лужу встал и рад,
И меня не замечает, гад!
Все-таки, чего не говори,
Я всегда любила пустыри,
Рощицы с молоденькой листвой,
Кладбища, когда там есть живой,
Хоть один в оградке патриот –
Убирает мусор, водку пьёт.
В молодые годы, вот тогда
Я ещё любила поезда,
Скопища, тусовки, смех и ор,
Я могла перемахнуть забор,
Как прыгунья, только без шеста,
Жизнь была пестра, легка, проста...